

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 3 (1106).

Суббота, 18 ноября 1944 г.

Цена 45 коп.

Великий русский баснописец

В славном созвездии гениальных русских писателей, основоположников новой русской литературы, Крылов занимает особое и почетное место. «Самым народным памятником — называл его Пушкин. «Честь, слава и гордость нашей литературы» — такими восторженными словами писал о Крылове Белинский.

Крылов был первым русским писателем, чьи басни получили всенародное признание еще при жизни автора. Они вошли в качестве неотъемлемого достояния в наше наследие, в народное сознание, в нашу культуру, в народное сознание, в нашу речь, обогатив ее меткими поговорками и крылатыми словами. На баснях Крылова воспитывались целые поколения, по которым учились неисчерпаемому богатству русского языка, из них вычитывали мудрость народа. Крылов, подобно Пушкину, являлся поэтом всего народа, и с его именем связано представление о таком народном поэте, который выражал с отрывом от народа мудрость народа.

«Тот ошибается грубо, кто называет его баснописцем в таком смысле, в каком было бы баснописцем Ламфитен, Дмитров, Хеминиер и, наконец, Измайлова», — писал о нем Гоголь. — Его притчи — достояние народа и составляют книгу мудрости самого народа». В лице Крылова народ обрел национального баснописца, передавшего в своих баснях тот ясный имор русского народа, его «живописный способ выражаться», который в качестве национального свойства отметил Пушкин. Искрящаяся юмором, умные и веселые крылатые басни передавали народное понимание жизни, народные нравственные правила, народную правду.

Крылов воспитывался на свободолюбивой философии века просвещения, он был близок к кругу Радищева и являлся одним из наиболее передовых и просвещенных писателей XVIII века. Через всю жизнь прошел он горячую любовь к своему народу, трезвую независимость и демократизм своих взглядов, свое большое патриотическое чувство.

В блестящей сатирической прозе конца 80-х — начала 90-х годов XVIII века, в островерхих и самобытных комедиях Крылова выступал, как юный и непримятый сатирик, нападавший на еретические порядки, бичевавший разವретность правовладельческого общества. И до настоящего времени его журнальная сатира сохранила свою значительность, блеск его молодого таланта. Но прославился Крылов своими баснями.

Русская литература, начиная от Кантемира и Ломоносова, всегда отмечалась морально-учительным характером, служила делу просвещения и воспитания народа. Басни Крылова, своей сатирической силой, своим веским словом, народной правды сыграли большую роль в формировании русской вольнолюбивой мысли.

Крылов жил одной жизнью с народом, и потому в своем творчестве он воплотил в себе полноту народного мнения, глубокое патриотическое чувство. Оно склонило в баснях, написанных им в суворую годину Отечественной войны 1812 г. в них он показал образ Кутузова, как народного вождя, показал подлинную народную волю.

В блестящей сатирической прозе конца 80-х — начала 90-х годов XVIII века, в островерхих и самобытных комедиях Крылова выступал, как юный и непримятый сатирик, нападавший на еретические порядки, бичевавший разವретность правовладельческого общества. И до настоящего времени его журнальная сатира сохранила свою значительность, блеск его молодого таланта. Но прославился Крылов своими баснями.

Басни Крылова, народность его творчества, широко открыли дорогу для дальнейшего развития русской литературы.

Каждое поколение вычитывает в баснях Крылова новое и новое содержание, привнося их в события и явления своего времени. Образы и меткие выражения басен Крылова широко использовались Ленин в своих публицистических статьях и выступлениях, в них обращается товарищ Сталин. Они живут в нашем народе.

Крылов является собой образец поэта, в конца сплоченного с народом, чисто и благородно слушавшего его голос, прекрасно зная и понимавшего его жизнь. Традиции Крылова — это коренные традиции всей русской литературы, по самой оси ее глубоко патриотической и народной.

Ныне, в величественную эпоху расцвета народной жизни, полностью оправдались пророческие слова Белинского, нависшего: «Число читателей Крылова беспрерывно будет увеличиваться, по мере увеличения числа грамотных людей в России... со временем его будет читать весь народ русский. Это слава, это триумф. Из всех родов славы, самая лестная, самая великая, самая неподкунная слава народная».

В своих баснях Крылов передавал ту житейскую мораль, которая являлась выражением нравственных понятий русского человека. Он беспощадно выметал лень, праздность, тщеславие, хвастовство, самомнение, невежество, липомерие, жалость, трусость — словом, те отрицательные качества, которые особенно ненавистны народу.

Помимо всеми неизмеримыми богатствами русской речи, опять-таки своего народа, Крылов создал образы того большого общечеловеческого значения, которые живут в народных сказках и легендах. Крылов — юбиляр, юбилейный мажик многосторонних гравюр, иллюстраций к прижизненным изданиям басен, фотокопий рукописей Крылова, журналов, книг с его письмами и баснями. Крылов сделал профессор П. Берков.

21 ноября в некрополе Александровской лавры, на могиле И. А. Крылова состоялся траурный митинг. Будут возложены цветы Союза писателей, Академии наук, от Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, от школьников Ленинграда.

Радиокомитет проводит декаду, посвященную творчеству Крылова. С членом басен выступают лауреаты Стalinской премии, народные артисты СССР В. Мичурин, Е. Корчагина-Александровская. Будет исполнен цикл музыкальных иллюстраций к басням Крылова современных и старых русских композиторов и специальная инсценировка «Пятидесятилетний юбилей Крылова в Петербурге».

Ленинградский тюз подготавливает спектакль «Крыловский спектакль в постановке заслуженного артиста Республики Крылов», а Салтыкова-Щедрина, от школы Крылова, издалила книга с его письмами и баснями.

Второй зал посвящен творчеству Крылова-баснописца. Здесь собраны рисунки и литографии к басням на темы 1812 года работы лучших русских иллюстраторов Крылова: Орловского, Серова, Кондакова и др. Широко представлены народные лубочные иллюстрации басен.

Большое место на выставке занимают иллюстрации советских художников — В. Фаворского, А. Каневского, Курицына, Д. Моро, Г. Елецкова и др.

На выставке представлены многочисленные басни Крылова на языках народов Советского Союза, а также на главных европейских языках.

Издание басен Крылова в СССР

Произведения Крылова издавались в СССР много раз. За 27 лет выпущено 165 изданий, тираж которых доходит до 10 млн экземпляров. Басни Крылова издавались у нас не только по-русски, но и в переводах на иностранные языки и языки народов СССР — всего на 26 языках.

Только за годы войны басни Крылова издавались в Гослитиздате, в Воениздате, в ряде ленинградских издательств, Свердловске, Баку, в Ставрополе, в Чувашской республике, в Казани (на татарском языке) и других городах.

Ленинградский Дворец пионеров совместно с Горюно проводят конкурс школьников на лучшее исполнение басен Крылова.

Ленинградский Дворец пионеров совместно с Горюно проводят конкурс школьников на лучшее исполнение басен Крылова.

Вечер памяти Крылова состоится в Гослитиздате, в Воениздате, в ряде ленинградских издательств, Свердловске, Баку, в Ставрополе, в Чувашской республике, в Казани (на татарском языке) и других городах.

И. А. Крылов.

21 ноября — сто лет со дня смерти И. А. Крылова

Честь, слава и гордость нашей литературы, он имеет право сказать: «Я знаю Русь и Русь меня знает».

В. Белинский.

За неделю

В ЛИТЕРАТУРНОЙ СЕКЦИИ ВОКС

НА СОВЕЩАНИИ

В ДЕТИЗИЕ

Детизи начал подводить первые итоги своей работы за год. К обсуждению выступленных издательством книг привлекаются зарубежные литературные организации, адресованные советским писателям — членам Литературной секции ВОКС.

Президент Ленинградского письменного клуба Сторожинес, вице-президент И. Дж. Форстер, международный секретарь Г. Оулз, фотографируют президента секции А. Н. Толстого: «До и во время войны письмо-клуб стремился к сотрудничеству писателей мира. Мы ищем тесного сотрудничества с советскими писателями, так как разделение их стремлений и надежды на будущее чрезвычайно».

Группа виднейших писателей Мексики, обединенных письменным клубом, адресовала сердечную телеграмму А. И. Толстому, И. Эренбургу, С. Маршаку, П. Антокольскому, Б. Горбатову, К. Симонову и А. Караганову — зам. председателя ВОКС: «Мексиканские писатели посыпают братский привет своим коллегам, — говорится в этой телеграмме, — и выражают свое восхищение героями русского народа, который изгнал захватчиков со своей территории и решительным образом способствовал разгрому гитлеризма. Мексиканские писатели вспоминают свои труды и различную информацию о своей деятельности. Письменный клуб, в свою очередь, хотел бы получить материалы о работе советских писателей». Телеграмму подписали Энрике Гонсалес Мартинес, Франсиеско Ороско Муньес, Самуэль Рамос и Рафаэль А. Дерман, Л. Тимофеев.

Из книг для детей младшего возраста были обсуждены «Дамбо Кузьмич» С. Михалкова, «Островок на Каме» Э. Александровой, и рассказы И. Васильенко.

В ближайшее время предлагается создать совещание о научно-художественной и научно-философской литературе, вы-пущенной Детизи, а также совещание, посвященное изданию произведений русских классиков.

1000-й СПЕКТАКЛЬ «ДОЧЬ АНГО»

Сегодня в Музикальном театре им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоится 1000-е представление комической оперы Ш. Лекока «Дочь Анго» (текст М. Гальперина).

Этим спектаклем, впервые показанным на сцене Художественного театра 16 мая 1920 г., открылась Музикальная студия К. С. Станиславского и впоследствии ставшая музикальным театром его имени. Спектакль был поставлен Вл. И. Немировичем-Данченко и до настоящего времени сохраняется в своем первоначальном сценическом ракурсе.

За время своего длительного существования спектакль «Дочь Анго» стал широко известен не только москвичам, но и зрителям всего Советского Союза: от Мурманска до Тбилиси благодаря частным поездкам театра по стране. Большой успех имела «Дочь Анго» во время заграничных гастролей театра в Америке.

«Дочь Анго» — единственный из иллюстрированных в Москве музикальных спектаклей, достигший такого большого числа представлений. Среди исполнителей тысячи-спектакля — ряд юбиляров, участников первого представления, в том числе Д. Камерницкий (Ларионов), Л. Беликова (Горбачев), И. Ягодкин (Томонин), А. Ходаковиков (Гильям), С. Рудин и Е. Гудиновичи.

«ПЕСНИ О КАТЮШЕ»

В секции народного творчества Союза писателей СССР состоялся юбилей И. А. Крылова на тему «Песни о Катюше во фронтовой позиции». Докладчик дал обстоятельный анализ большого количества собранных им фронтовых песен, возникших на основе широкой популярной песни М. Исаковского. Весь цикл фронтовых песен о Катюше, по мнению И. Розанова, есть пиковая фраза в истории русской музыки.

Институт литературы организует секцию, на которой будут заслушаны доклады: Ов. Меликян «Драматургия И. А. Крылова»; С. Аршани «Крылов и социалистическая культура»; З. Ясинская «Крылов как редактор и журналист»; Г. Абова «Переводы произведений Крылова на армянском языке»; М. Мкртич «Армянские баснописцы средневековья»; А. Астяргина «Армянские баснописцы XIX и XX веков».

Госиздат Армении в дни юбилея выпустил сборник избранных басен Крылова на армянском языке.

Госиздат выпускает также книгу академика А. Тертерна о жизни и творчестве Крылова.

Тридцать писателей Армении готовят доклады о Крылове, которые они прочтут в Ленинграде, Кирсанове и других районных центрах республики.

В Сюзпище писателей доклад о великом баснописце прочтет Марияэт Шагинян. В Публичной библиотеке открыта выставка, посвященная И. А. Крылову. Составляется также библиография «Крылов как редактор и журналист»; Г. Абова «Переводы произведений Крылова на армянском языке».

Национальный театр Армении организует спектакль «Дочь Анго» в единственный из иллюстрированных в Москве музикальных спектаклей, достигший такого большого числа представлений. Среди исполнителей тысячи-спектакля — ряд юбиляров, участников первого представления, в том числе Д. Камерницкий (Ларионов), Л. Беликова (Горбачев), И. Ягодкин (Томонин), А. Ходаковиков (Гильям), С. Рудин и Е. Гудиновичи.

ПАМЯТИ ВОЛЬТЕРА

ЛЕННИНГРАД. (От наш. корр.). Научная и литературная общественность Ленинграда широко отмечает 250-летие со дня рождения Вольтера. Институт литературы Академии наук СССР выпускает монографию профессора Марияэт Шагинян. В Публичной библиотеке ленинградского «Массажа» с музыкой А. Глазунова, которая имела специальную для постановки в библиотеке экспозицию, открывается выставка, посвященная Вольтеру.

22 ноября в ленинградском Доме писателей им. Мажковского состоится вечер памяти Вольтера. С докладом «Вольтер и Россия» выступит проф. М. Алексеев. В. С. Люблинский сделает доклад о библиотеке Вольтера. Проф. М. Лозинский прочтет новые переводы из Вольтера.

ДОМА ПИСАТЕЛЕЙ И ХУДОЖНИКОВ ЛИТВЫ

ВИЛЬНЮС. (ТАСС). По решению правительства Литовской ССР писатели и художники получили для своих организаций отдельные помещения. Взамен взятого земельного участка Собранию писателей «Паланкас» и Собранию художников «Непокоренные» Б. Горбатова, «Моя семья» Пфаумуэр.

В Швеции принят к изданию и в сквозном виде выйдет в свет: избранные сочинения А. М. Горького, «Морская душа», Л. Соболева, «Белое парус одиночек», В. Катаева, «Хирург», Н. Емельянова, «Чукотка» Т. Семушкина, «В лебяжьем Уссурийском крае» и «Дерсу Узала» К. Арсеньева.

«Литературная газета» чкаловских писателей

К 27-й годовщине Октябрьской революции Чкаловское областное отделение Союза советских писателей выпустило на первом страничке одноименную литературную газету, подводящую итоги работы писательской организации за летние месяцы этого года.

Основное место в газете занимает про-запись преимущественно очерковая. Очерк М. Симоновича «Василий Калинин» посвящен уроженцу г. Чкаловска, ныне Герою Советского Союза В. Ф. Калинину. Съёмка А. Лужинином, Ч. Чайковым, А. Буториным и Г. Тугановым.

Журналист-новатор

Молодой Крылов пришел русскую журналистику, почти такую же молодую, как и он сам. Она была лишь немногими годами старше его и существовала всего лет тридцать. За это время в ней уже успели выступить драматические и юмористические писатели — Сумароков, Херасков, Богданович, Новиков. Но с Крыловым в нее вступил автор, которому суждено было стать великим национальным поэтом. И это ярко отразилось и на его стихах, и на общемreste отечественной журналистики.

Предшественники Крылова уже разрабатывали научно-популярные отчеты,правильные очерки, бытовую сатирику, даже некоторые публицистические опыты; они подготовили ему путь. Крылов принял их наследие, но с подлинным талантом новатора придал ему новый поворот и неожиданные обличья. Тем самым он сообщил русской журналистике еще неведомую устремленность и уверенную направленность в будущее. Именно с ним русская журналистика становится по-настоящему талантливой, а стало быть, наиболее доходившей до читателя и напитавшей образом воздействующей ее мысль.

Как прирожденный сатирик-публицист, он сообщает ей ряд ценных жизненных свойств. Его публицистика неизменно отмечена боевым тоном, а журнальная сатирика приобретает воинствующий характер. Всячески застраивается интерес обозревателя к социально-политическим темам и его забора об их ударном воздействии на аудиторию. Печать становится оружием. И с чутьем подлинного художника, прекрасно понимающим, что слово литератора для действенного впечатления должно быть отчеканенным до блеска (или, как говорят гораздо позже Лев Толстой, «нужно заострить, чтобы дошло»), Крылов в своих статьях уже проявляет высокие качества писателя, т. е. зоркого наблюдателя жизни, выразительного портретиста современного общества, замечательного жанриста, окружающего быта и, наконец, подлинного мастера бытной и выразительной зарисовки. Он сразу овладел живым и энергичным языком, сохранившим до наших дней свою свежесть и остроту. А ведь Крылов лебягировал лет за сорок до пошумской реформы русского языка.

И заслуга сатирика тем выше, что время неизменно благородствовало его залогам. Он действовал в труднейшую политическую эпоху. Крылов стал редактором в первый год французской революции 1789 г. и закончил свою журнальную деятельность в 1793 г. — момент высшего развертывания революционных событий во Франции. Это был период, когда официальный Петербург менее всего поощрял вольнодумную пародию и обличительную сатирику. Но молодой редактор сумел пропагандировать свою одаренность и подлинный темперамент журналиста в этих именно опасных жанрах.

Об открытом нападении на источники общественных зол не приходилось и думать. Нужно было умело манипулировать в своих атаках и искусно маскировать свои удары.

И молодой литератор разрабатывает разнообразные жанры для удачной публицистической кампании. Пользуясь опытом, накопленным его предшественниками, Крылов по-новому застраивает и отчищает перед русским журналистом. Этим он приближает свою изданию к тишине новейшей прессы. В скромных маленьких выпусках XVIII века, в этих тоненьких брошюрах на тряпичной бумаге, он уже дает тон и стиль, свойственный стремительной печати новейшего времени. Если он не достиг всеобъемлющей информации и всесветных резонансов современного газетного листа, он уже верно угадал назревающие тенденции первоапрельской печати в России и проложил первые пути для ее жизненному развитию в XIX веке.

Широко и смело лепил Крылов журналы, жанры, щедро бросая их в будущую русскую печать. Он прежде всего обновил удобную форму писем, якобы адресованных арабскому миру подчиненным ему духовникам. Эти гномы, сильфы, ондинары проникают повсюду с ловкостью репортера, а стало быть, наблюдают жизнь во всех ее проявлениях. В этих фантастических и величебных формах Крылов намечал будущий основной жанр газетной прозы — корреспонденцию. Волеющие участники «Почты духов» — это ранние корреспонденты, сообщающие актуальный живой материал главному редактору — ежедневному Маликульму. Они прекрасно понимают, что ценность их репортажа повышается от его литературной подачи, и стремятся всячески разнообразить свои заметки и оживлять свои статьи. Они охотно вводят в них форму диалога, воспроизводят почти стенограммы своих бесед с современными петербургскими, иначе не хуже позднейших интервьюеров, большой прессе, публикующие ответы знаменитостей на их разносторонние вопросы. Они рисуют отдельные сценки, обстановку, быт и нравы, сообщая своим эпистолярным извещениям настолько характер газетного эскиза или очерка, получившего такое распространение в последней ежедневной печати. Все эти прихожие знаний бар, французские модные лавки, купеческие гостиные, публичные гуляния, театральные залы с их характерными типами и нравами — что это, как не художественное изображение современности под знаком злободневного интереса и захватывающей текущей тематики? Булыжий мастер художественного реализма уже виден в этих белых опытах раннего крыловского очерка.

А веселые пародии «Зрителя» на живые темы развертывающиеся в литературно-общественной жизни, как «Речь повесы в собрании драконов», «Мысли философа по моде», «Похвальная речь в память моему дедушке» — что это, как не первые, у нас фельетоны с их основными признаками жажды, остроумия, занимательности, веселой словесной игры и верхнего общественного призыва? Когда Крылов давал отчетные и острые зарисовки знатных особ, в которых современники легко узнавали величайших вельмож и фаворитов — Безбородко, Сумарокова и других придворных, он создавал настоящий политический памфлет. Тонко заумелированный и метко ударивший в намеченную мишень, этот труднейший журнальный жанр получил гениальное развитие в эпиграммах Пушкина. Наконец, в заметках о современной литературе и драматургии Крылов уже дает первые опыты позднейшего биографического отзыва и театральной рецензии. Это подлинный зародыш критического фельетона, первое предвестие будущих газетных очерков скептика и кин.

Робкий и неопределенный характер русской периодики XVIII века приобретает под пером Крылова настоящие черты журналистики. Молодой и задорный автор даже собирает своим публикациям некоторые свойства газеты, как наиболее выразительного и второго вида периодического жанра. В этом смысле Крылов несомненно, — наш первый журналист; до него никто не умел так искусно сочетать в первоапрельском листке совместность темы остроумия и выразительности ее разработки. Естественно, у него имеются предшественники в редакционном деле, он все же остается первым по верхнему пониманию журнально-газетного стиля.

Эти по-новому организованные литературные формы открыли Крылову путь к самым значительным и драматическим явлениям старорусского быта.

В легкой форме журнальной беседы он коснулся больших вопросов серьезных касающих общественной жизни. В малых жанрах и текстах прелестей своего фельетона он разрабатывал важные темы, которые вошли в великую русскую литературу следующего столетия. Путь у Крылова в репертуар театров.

К этой большой теме народного разговора, — это важно, что он ставит вопросы и требует внимания к темам, которые через подтекст становятся центральными в ряду бесмертных созданий его преемников. В одном из писем «Почты духов» он рассказал о трагедии выдающегося художника, дошедшего покровительством меценатов до зоя и гибели. Это только очередное письмо фантастического сильфа, придуманного Крыловым для удобства своего младшего Крыловым для удобства своего изложения, но это первая постановка трехтических субъектов русской разговорной интеллигентии, об артистах и художниках крепостной эпохи. Эта большая волнистая тема по-новому — властно и мощно — зазвучала в «Горе от ума», в «Неготке Незнавой», в «Сороке-воровке» Герцена, в «Тупеющим художником» Лескова. Чтоб так поставить ее, нужно было обладать не только метким яром журналиста, но и чутким сердцем большого писателя. Мы знаем, что Крылов обладал им.

В другой статье своего журнала Крылов изображает приемную знатного вельможи. В самом помещении и у входа в него на улице толпится на костылях и в ломотах изуродованые бедняки. Печальны толпы стариков и больных представляя странной контраст с великолепием дома и богатством его убранства. Рядом с передней, наполненной нишами, в чистой премиальности, у входа в кабинет вельможи, толпились «чиновники и бояре», откупчики, судьи, светские поэты. «Убранный в кружевах», «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной монетой. Самых людей, по его выражению, «превращают в пуговицы и кружева». «Молодой помощник малолетний» ублажает у себя хлебающими наряды щеглов или вельможи? Сколько тяжкого труда пахаря иходит в стоимость многое кафтан? Крылов ставит этот вопрос во всей его остроте. Дело не только в кухнях муки — часто и сами пахари становятся в крепостном строе размениной мон

Переводы Бернарда Пэйрса

Недавно — уже во время войны — в Лондоне вышло новое, повторное издание басен Крылова в английском переводе профессора Бернарда Пэйрса. Книга издана большим тиражом для широких читательских масс¹.

Первое впечатление от перевода — отрицательное.

На каждой странице чувствуешь живое, николько не книжное понимание простонародного крыловского стиля, доступное только тому, кто знает наш язык и по учебникам. Очень живо ощущает Бернард Пэйрс великолепную народную стихию крыловского юмора. Больше всего добивается он в своих переводах бойкости, звонкости, хлесткости, свойственной русскому поэзинику. И когда ему попадаются такие крылатые формулы, как, например:

«Sing your dirty! Lor, how pretty!
Now you're free to dance it there!

С большой находчивостью, остроумно и звонко переведены им такие речения, как:

«A philosopher.
Be not ignorant!

But wise man Perkins
Has got no gherkins.

«All mysoka, знать, она скыльна, что лает на словах», «Хули песни соловью в когтях у кошки», «Коль выгонят в окно, я таки влечу в другое» — каждая из этих фраз в переводе Бернарда Пэйрса почти так же динамична, как в подлиннике.

И такие удачи нередки. Они попадаются почти на каждой странице, радуя своей артистичностью. Недаром сэр Бернард Пэйрс отдал работе над переводом Крылова больше четверти века. Свежие, небальзамированные рифмы, разнообразная колоритная ритмика, множество чеканенных стихов — все это результат многолетних усилий, исполненных благородной любви.

Словом, бесспорна заслуга профессора Бернарда Пэйрса в деле ознакомления англо-американских читателей с творчеством нашего народного гения. Но эта заслуга была бы неизмеримо выше, если бы в работе перевода, изобилующей такими большими достоинствами, не было столь же больших недостатков.

Первый недостаток заключается в том, что эти русские басни, изображающие русскую жизнь и русских людей, переведены, конечно, заселены английсками, уроженцами Южнорусской и Эссекса.

Так, например, в переводе известной басни «Крестьянин в беде» российский безымянный крестьянин превращается в английского «фермера Уайта», и к этому «фермеру Уайту» являются в гости «старый Томпсон» в компании с «соседом Ноггесом» и «двояродным братом Бидлем».

А в переводе знаменитого «Ларника», где у Крылова действуют лишь безымянные люди, выступают один за другим и Джон Броун, и Вилл, и Джеймс, и Нэл.

Где у Крылова рубли, там у перевода чикалы, фунты стерлингов, пенсы. Где у Крылова домовой, у перевода — Капитан Шипперленгтон, Финн, Генри.

Русский барин в этой книге именуется «сэйвэр» и «эр», русская кошка здесь оказывается похлебкой из риса. Словом, переводчик вытравляет из басен Крылова их исторический и национальный колорит. К сожалению, это ему вполне удается. Так что, когда в басне «Ворона и курица» по-

¹Russian Fables of Ivan Krylov with verse Translation by Bernard Pares. London. Penguin Press.

является «Смоленский князь» Кутузов, он кажется здесь чужаком, иностранцем.

Наша советская теория и практика художественного перевода отвергает такое вольное обращение с национальным колоритом переводимых стихов, поэзии и романов. Если бы какой-нибудь переводчик изобразил Смэ Уэллера (из «Пикника в парке») в виде рязанского парня с гармонией, это показалось бы извращением русских людей.

Пишет Бернард Пэйрс к творчеству Крылова несомненно. Почему же переводчик мешает себе самому выполнить эту задачу, которой, как переводчик, историк, публицист и профессор, он отдал всю свою долгую жизнь? — задачу ознакомления своих соотечественников с духовным обликом русских людей?

Вспомним проникновенное утверждение Тургенева, что «иностраник, основательно изучивший басни Крылова, будет иметь более ясное представление о русском национальном характере, чем прочитавший восьмизначные сочинения, трактующие об этом предмете».

Но как же иностранцу узнать этот «русский национальный характер», если приходит знакомиться с ним по предложению профессором Бернардом Пэйрсом версии басен Крылова?

Мы уверены, что сами англичане предпочтут бы найти в этой русской книге русские нравы и русских людей.

Все это очень прискорбно. Особенно потому, что в переводе профессора Бернарда Пэйрса так много отдельных удач. Хорошо переведены они, например, такие крылатые фразы, ставшие в нашем народе пословицами:

Беда, коль приоры начнет печи сапожники,
А сапоги тачать пирожники.

Или:

Чех на мост нах ити, поищем лучше броду.

Но вот в крыловском «Квартете», например, говорится:

А ви, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь.

В английском же переводе читаем:

Менинте места, мените скрипки,

Однако камерная музыка не для вас!

Здесь обнаруживается второй недостаток переводов проф. Бернарда Пэйрса.

Веда не столько в том, что переводчик издает перевodimым автором своими собственными эпитетами, образами, красками, — Бернард Пэйрс почти всегда делает это в полной гармонии с подлинником, — ведь в том, что таким многословием он ослабляет самое лаконичное выражение Крылова, сильнее именно своим лаконизмом. Крылов, например:

Желая светлым днем вполне налюбоваться,
Орел подиебесно летал
И там гулял.

Где молнии рождаются.

Аэр Бернард Пэйрс переводит:

Насаждася своей мощью,
В одно луцеазарное летнее утро
Орел воспаряет в небеса вверх,
Чтобы погулять в высоте,
Где рождаются стрелы молний.

Никакого криминала здесь нет. Вольности переводчика отнюдь не находятся в противоречии с подлинником. Но как они разжигают его! Какой драматичный делают они мускулатуру стиха! Каково представление о динамическом лаконизме Крылова может дать эта многословная фраза, которая заставляет орла парить 1) и «в небесах», 2) и «вверху», 3) и «в высоте»; и заменяет молнии тривиальными «стрелами молний»!

Когда в басне «Осель» говорится:

А чтобы он в лесу пропасть не мог,
Нашен принципиум жужже ему звонко;
переводчик излагает это даунтишие так:

И боже, чтобы он не потерялся
В лесу, в один прекрасный день

Его хозяин привял ему колокольчик,
который звенел всю дорогу.

При помощи таких добавочных слов и слогочек — а их в этой книге множество — переводчик в значительной мере подvertsает репутацию Крылова, как мастера передельно скрупулезного, спрессованного, меткого

Мы хорошо помним, какие огромные трудности стояли перед проф. Бернардом Пэйрсом: ведь английские слова чуть не втрое короче русских, и редко рифмы переводчику поневоле приходится заняться многими строками лиценами, нейтральными словами. Но удалось же проф. Пэйрсу во многих случаях преодолеть эти трудности: переводы таких басен, как «Искра», «Кошка и соловей», «Две собаки», «Котята и скворцы», совершают своеобразие от переводов Х. Абовяна почти полностью.

Если в следующем издании своих переводов проф. Бернард

Пэйрс устраниет недостатки, которые к сожалению, слишком часто указаны в нашей краткой статье, его многолетний труд, исполненный с таким пылом, приобретет еще большую ценность.

В 20-х годах гемой крыловских басен интересуется и Александр Орлопский. Реалист-романтик, один из первых, отвергнувших сухие академические формулы, он и к иллюстрированию басен подошел со своейностью ему артистичностью. Своей живой фантазии вела его по своему пути, и басни для него — лишь повод для нового положения излюбленного южного — поэзии — ложь — погонь — счастье в движении или жанровую крестьянскую сценку. Его «Конь и всадник» — рисунок, полный жизни, стремительности и напряженного выражения.

В 30-х годах выходят басни Крылова с иллюстрациями Сапожникова, вызвавшими восхищение Белинского: «Сколько в этих очерках таланта, оригинальности, жизни! Какой русский колорит в каждой черте!»

Почти каждая иллюстрация является живой, занимательной, рассказом, отеческим трофеем Белинского, видевшего в басне «уроки повседневной опыта в сфере семейной повести, драмы, с лирикой и характерами, поэтическими очертаниями. Иллюстрации Сапожникова, дающие в сказочных сценках, мелкие изображения сказочных драм, мы встречаемся с очаровательными бытовыми подробностями, часто выделяющими за пределы, поставленные над баснями Крылова. Виноградов

совсем по-иному звучат басни Крылова, являясь «сказкой на сюжете», «историей, которая несет в себе чистоту и выразительность языка».

В 40-х годах выходят басни Крылова с иллюстрациями Сапожникова, вызвавшими восхищение Белинского: «Сколько в этих очерках таланта, оригинальности, жизни! Какой русский колорит в каждой черте!»

Почти каждая иллюстрация является живой, занимательной, рассказом, отеческим трофеем Белинского, видевшего в басне «уроки повседневной опыта в сфере семейной повести, драмы, с лирикой и характерами, поэтическими очертаниями. Иллюстрации Сапожникова, дающие в сказочных сценках, мелкие изображения сказочных драм, мы встречаемся с очаровательными бытовыми подробностями, часто выделяющими за пределы, поставленные над баснями Крылова. Виноградов

совсем по-иному звучат басни Крылова, явлением «сказкой на сюжете», «историей, которая несет в себе чистоту и выразительность языка».

В 50-х годах выходят басни Крылова с иллюстрациями Сапожникова, вызвавшими восхищение Белинского: «Сколько в этих очерках таланта, оригинальности, жизни! Какой русский колорит в каждой черте!»

Почти каждая иллюстрация является живой, занимательной, рассказом, отеческим трофеем Белинского, видевшего в басне «уроки повседневной опыта в сфере семейной повести, драмы, с лирикой и характерами, поэтическими очертаниями. Иллюстрации Сапожникова, дающие в сказочных сценках, мелкие изображения сказочных драм, мы встречаемся с очаровательными бытовыми подробностями, часто выделяющими за пределы, поставленные над баснями Крылова. Виноградов

совсем по-иному звучат басни Крылова, явлением «сказкой на сюжете», «историей, которая несет в себе чистоту и выразительность языка».

В 60-х годах выходят басни Крылова с иллюстрациями Сапожникова, вызвавшими восхищение Белинского: «Сколько в этих очерках таланта, оригинальности, жизни! Какой русский колорит в каждой черте!»

Почти каждая иллюстрация является живой, занимательной, рассказом, отеческим трофеем Белинского, видевшего в басне «уроки повседневной опыта в сфере семейной повести, драмы, с лирикой и характерами, поэтическими очертаниями. Иллюстрации Сапожникова, дающие в сказочных сценках, мелкие изображения сказочных драм, мы встречаемся с очаровательными бытовыми подробностями, часто выделяющими за пределы, поставленные над баснями Крылова. Виноградов

совсем по-иному звучат басни Крылова, явлением «сказкой на сюжете», «историей, которая несет в себе чистоту и выразительность языка».

В 70-х годах выходят басни Крылова с иллюстрациями Сапожникова, вызвавшими восхищение Белинского: «Сколько в этих очерках таланта, оригинальности, жизни! Какой русский колорит в каждой черте!»

Почти каждая иллюстрация является живой, занимательной, рассказом, отеческим трофеем Белинского, видевшего в басне «уроки повседневной опыта в сфере семейной повести, драмы, с лирикой и характерами, поэтическими очертаниями. Иллюстрации Сапожникова, дающие в сказочных сценках, мелкие изображения сказочных драм, мы встречаемся с очаровательными бытовыми подробностями, часто выделяющими за пределы, поставленные над баснями Крылова. Виноградов

совсем по-иному звучат басни Крылова, явлением «сказкой на сюжете», «историей, которая несет в себе чистоту и выразительность языка».

В 80-х годах выходят басни Крылова с иллюстрациями Сапожникова, вызвавшими восхищение Белинского: «Сколько в этих очерках таланта, оригинальности, жизни! Какой русский колорит в каждой черте!»

Почти каждая иллюстрация является живой, занимательной, рассказом, отеческим трофеем Белинского, видевшего в басне «уроки повседневной опыта в сфере семейной повести, драмы, с лирикой и характерами, поэтическими очертаниями. Иллюстрации Сапожникова, дающие в сказочных сценках, мелкие изображения сказочных драм, мы встречаемся с очаровательными бытовыми подробностями, часто выделяющими за пределы, поставленные над баснями Крылова. Виноградов

совсем по-иному звучат басни Крылова, явлением «сказкой на сюжете», «историей, которая несет в себе чистоту и выразительность языка».

В 90-х годах выходят басни Крылова с иллюстрациями Сапожникова, вызвавшими восхищение Белинского: «Сколько в этих очерках таланта, оригинальности, жизни! Какой русский колорит в каждой черте!»

Почти каждая иллюстрация является живой, занимательной, рассказом, отеческим трофеем Белинского, видевшего в басне «уроки повседневной опыта в сфере семейной повести, драмы, с лирикой и характерами, поэтическими очертаниями. Иллюстрации Сапожникова, дающие в сказочных сценках, мелкие изображения сказочных драм, мы встречаемся с очаровательными бытовыми подробностями, часто выделяющими за пределы, поставленные над баснями Крылова. Виноградов

совсем по-иному звучат басни Крылова, явлением «сказкой на сюжете», «историей, которая несет в себе чистоту и выразительность языка».

В 00-х годах выходят басни Крылова с иллюстрациями Сапожникова, вызвавшими восхищение Белинского: «Сколько в этих очерках таланта, оригинальности, жизни! Какой русский колорит в каждой черте!»

Почти каждая иллюстрация является живой, занимательной, рассказом, отеческим трофеем Белинского, видевшего в басне «уроки повседневной опыта в сфере семейной повести, драмы, с лирикой и характерами, поэтическими очертаниями. Иллюстрации Сапожникова, дающие в сказочных сценках, мелкие изображения сказочных драм, мы встречаемся с очаровательными бытовыми подробностями, часто выделяющими за пределы, поставленные над баснями Крылова. Виноградов

совсем по-иному звучат басни Крылова, явлением «сказкой на сюжете», «историей, которая несет в себе чистоту и выразительность языка».

В 10-х годах выходят басни Крылова с иллюстрациями Сапожникова, вызвавшими восхищение Белинского: «Сколько в этих очерках таланта, оригинальности, жизни! Какой русский колорит в каждой черте!»

Почти каждая иллюстрация является живой, занимательной, рассказом, отеческим трофеем Белинского, видевшего в басне «уроки повседневной опыта в сфере семейной повести, драмы, с лирикой и характерами, поэтическими очертаниями. Иллюстрации Сапожникова, дающие в сказочных сценках, мелкие изображения сказочных драм, мы встречаемся с очаровательными бытовыми подробностями, часто выделяющими за пределы, поставленные над баснями Крылова. Виноградов

Стихи М. Стельмаха

Вы закрыли только что прочитанную книгу стихов Михаила Стельмаха, переведенных с украинского Натальи Кончаловской. Вы еще не успели вникнуть в существа книги, но уже почувствовали: с вами говорил подлинный поэт.

Всего более любят Стельмаха живопись украинские долины и перелески, крестьянский труд, людей ремесла. Едва ли не самый частый в Стельмахе эпитет — «пахучий». Земля — пахучие хлеба — пахучий, солнце — пахучее. Жизнь в его стихах аппетитная, смачная. Он со вкусом пишет о людях, живших до войны в добром доволивии. В природе, которую воспевает Стельмах, всегда ощущается сила, бьющая через край, молодое бытие.

Его герой пристал к крепким корням жизни. Его предки — смокулы и стельмахи (колесники), юрчики и пасечники, лесорубы и плотники. У них — одна судьба. Да войны — вместе работали, на войне — вместе воюют и трудаются. Поэтому-фронтизму Стельмаху всего более удастся изображение труда на войне.

Такая рожь, что не достать руками, такая сила, что гордо не подковнуть. И это было стало полем боя.

И солнышко, трепеща на миг, прервало путь.

Вспаханное поле — образ, очень часто повторяющийся Стельмахом. У него даже плюс ассоциируются с зерном:

Будут сеять пурпурные зернами урожая, Погнутые руки над кровавой жатвой полей.

Новые стихи Стельмаха — продолжение рассказа о судьбах его героев, уроженцев Полесского севера-запада Украины. Это стихи солдата-крестьянина. Он сидит в окопе и, пока тихо и перестрелки нет, думает о том, что взошло бы на земле, которую он видит из окна, какую погоду сулит облаца, плавущие высоко над окопом. Но не одними этими мыслями занят он. Для него земля — не только гектары колхозного поля. Это большая советская страна — разноязычная, трудолюбивая, несущая своим народам и угнетенным народам Европы свободу. Это великая совесть, не первый раз спасающая культуру мира отварварских нашествий. Так размышляет боец в окопе — будь то крестьянин, рабочий или интеллигент. Обо всем этом, вероятно, думал и Стельмах, щедший с артиллерией на родной земле.

Однако психология человека, более поздней, показана в стихах так ярко, как это по силам Стельмаху. Это происходит потому, что Украина у М. Стельмаха — страна исключительно хлебопашеская. Нам вразумят: поэт не обязан обять все области жизни, у него своя тема, он хорошо знает деревню, пусть о ней и пишет. Да, ответим мы, поэт имеет право на свою тему, и хорошо, что Стельмах пишет о деревне, которую знает всесторонне. Мы упрекаем поэта не за тему, а за трактовку ее.

Мы сознаем, что понятия «плуг», «сеять», «пахать» Стельмах употребляет не в буквальном смысле слова. Но ведь из совокупности этих образов, собранных в одной книге, складывается поэтическая система, являющаяся выражением определенных взглядов на мир. Традиционно-хрестоматийный образ селянина

Михаила Стельмаха, «Украине вольной земли». Перевод с украинского Н. Кончаловской. М. Гослитиздат, 1944.

Выставка живописи и графики

В Киеве открылась выставка живописи и графики московских и ленинградских художников. Представлено свыше 300 картин крупнейших художников страны — А. Герасимова, Б. Иогансона, С. Герасимова, М. Сарьяна, И. Грабара, Б. Яков

лев, К. Соколова-Скальского, К. Никитинского, Н. Дормидонта, Г. Верейского, В. Бакшеева.

Большинство картин посвящено Отечественной войне. Среди работ — портреты Героев Советского Союза.

Стельмах отлично видит и живописует. К этим бы способностям, да еще бы дар проникновения в глубь явлений жизни!

Второй литературный вечер, устроенный 15 ноября Союзом писателей в конном зале Дома союзов, как и первый, прошел с аншлагом. На этот раз вечер был посвящен творчеству Ильи Эренбурга. Писатель прочел несколько стихов, в том числе неопечатанную статью о современной Франции. Во второй отдельности вечера Илья Эренбург читал рассказы «Актёры», «Конец гетто» и военные стихи из трех циклов — испанского, французского и периода Великой отечественной войны.

На снимке: И. Эренбург (слева) беседует с читателями. Фото Е. Тиханова.

Л. ПАВЛОВ

Силуэты и лица

«Енисейская книга» Михаила Никитина — свежа. Вряд ли здесь есть пейзаж или фраза, действующего лица, которые были бы обогащены прописной красностью, а не исходили из круга наблюдений автора, узок ли или широк этот круг.

Есть многое в «Енисейской книге» такого, к чему мы относимся только с добрым чувством. Мы с теплом запоминаем лампиков, «иззаливящих» песню, запоминаем и песню — древнюю, душевно-элегическую, сюровую. А как жив рассказ о ревиной борьбе стариков в лесу из-за Ариши; тут и юмор, синонимичный к человеческим недостаткам, и патетика северной природы. А как тонко выписан сочный, забавный сказ о «Чаэрзее», ходящем в церкви в чугунных галошах, отлитых в краснокирпичных зданиях мастерских. Сказ ухаживает и дочки Чаэрзе — они в церкви, построенной на средства отца, молятся пред иконаами, лики коих кощунственно списаны с бороды физиономии чрезвычайно дюжих. Всегда сказ о дьяконе, поставившим для размытия баньку в неожженом лесу.

Все это приятные сказовые «мелодии». Их знают лесовского вкуса акнекты наяджно служат развитию сюжета, иногда мы чувствуем, что кусок явно вставлен.

Если бы вся «Енисейская книга» была дана на пейзаж, на непрятливых ощущениях людей, почти растворенных в пейзаже, все обстояло бы в высшей степени благополучно.

Но М. Никитин по праву стремится к большему. Очерковость он преодолевает сюжетом. И на первых порах терпит издержки на основании более сложного жанра.

Произведения, которые тяготят к сюжетности, непременно нужен герой. И у Никитина есть такой герой: персонаж многих рассказов книжки, «сценарист экспедиции Соболько» Марк. С Марком мы встречаемся на первой странице первого же

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

В Союзе советских писателей ССР

Творческие отчеты поэтов

Всякий раз, когда Леонид Мартынов приезжает из Омска в столицу, московские писатели с большим интересом относятся к его выступлениям. Но широкие интеллигентские массы мало знают Мартынова. Его поэмы и стихи, изданные до войны, давно исчезли с книжного прилавка. Сборник же новых произведений Мартынова около полутора лет готовится к изданию в «Советском писателе». Об этом тоже говорили П. Антокольский, С. Марков, А. Каравеев и другие выступавшие на вечере Л. Мартынова, устроенным областной комиссией президиума ССР ССР 13 ноября в Московском клубе писателей.

Позади прочел цикл лирических стихов «Тетоньки», «Дорога в Москву», «Ты хотел вернуться», «Лукоморье», «Деревья», «Проклятия» и другие произведения.

— Я воспринимаю Леонида Мартынова, — говорил П. Антокольский, — как автора эпических произведений. Он остается идиотом с секретным преступником Чернышевским, написанных за последние пять лет. Речь шла о стихах, вошедших в сборники «Далеко в стране сибирской», «Глубокий тыль», «Моя байкальская знакомая», о поэмах «Енисейская легенда», «Вечность» о секретном преступнике Чернышевском, а также о перевозах с якутского «Якуты на войне» и «Якуты в тылу». И. Сельвинский, В. Лебедев-Кумач, С. Голованинский, А. Кулешов, М. Танк, М. Шолохов, А. Кудинов, Д. Поликарпов, Б. Суников, П. Чагин, О. Резин, В. Перцов, А. Тарасенков, С. Виноградская, В. Регинин, В. Щербина, С. Маршак, С. Михалков, А. Барто, Я. Ярев, И. Козловский, В. Лебедев-Кумач, Ю. Лукин, А. Караваева, И. Розанов, Ф. Корильев, М. Слонимский и А. Каравеев, К. Соловьев, Н. Аксенов, П. Антокольский, — как честный солдат и патриот, был тяжело ранен. За

Демьян Бедный, А. Безыменский, А. Жаров, М. Светлов, М. Голодный, А. Сурков, Н. Аксенов, П. Антокольский, И. Сельвинский, В. Инбер, Б. Пастернак, В. Луговской, С. Шипачев, В. Лебедев-Кумач, С. Васильев, К. Симонов, М. Алигер, Н. Замоцкий, П. Слетов, М. Никитин, А. Ольхон, Р. Степинский и М. Скуратов. На вечере выступили также артист А. Горюнов, академик Б. Завадовский, член-корреспондент Академии наук С. Бахрушин. Положительно оценил творчество Мартынова, они указали на некоторую выпуклость его стихов, их усложненность и известную книжность.

Темой одного из предыдущих творческих собраний областной комиссии было обсуждение произведений Анатолия Ольхона (Иркутск), написанных за последние пять лет. Речь шла о стихах, вошедших в сборники «Далеко в стране сибирской», «Глубокий тыль», «Моя байкальская знакомая», о поэмах «Енисейская легенда», «Вечность» о секретном преступнике Чернышевском, а также о перевозах с якутского «Якуты на войне» и «Якуты в тылу». И. Сельвинский, В. Лебедев-Кумач, С. Голованинский, А. Кулешов, М. Танк, М. Шолохов, А. Кудинов, Д. Поликарпов, Б. Суников, П. Чагин, О. Резин, В. Перцов, А. Тарасенков, С. Виноградская, В. Регинин, В. Щербина, С. Маршак, С. Михалков, А. Барто, Я. Ярев, И. Козловский, В. Лебедев-Кумач, Ю. Лукин, А. Караваева, И. Розанов, Ф. Корильев, М. Слонимский и А. Каравеев, К. Соловьев, Н. Аксенов, П. Антокольский, — как честный солдат и патриот, был тяжело ранен. За

Демьян Бедный, А. Безыменский, А. Жаров, М. Светлов, М. Голодный, А. Сурков, Н. Аксенов, П. Антокольский, И. Сельвинский, В. Инбер, Б. Пастернак, В. Луговской, С. Шипачев, В. Лебедев-Кумач, С. Васильев, К. Симонов, М. Алигер, Н. Замоцкий, П. Слетов, М. Никитин, А. Ольхон, Р. Степинский и М. Скуратов.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

Фото Е. Тиханова.

На очередном заседании Областной комиссии Союза советских писателей поэт Л. Мартынов прочел свои новые стихи и поэмы. На снимке (слева направо): М. Алигер, Л. Мартынов, А. Карапет и П. Антокольский.

<p